

С возвращением, автор, но где же твой «текст» и «язык»?

О вербальных данных в статике и динамике. Часть II*

А.В. Вдовиченко

В статье представлена критика позиции Р. Барта и его единомышленников, согласно которой текст может пониматься и получать новые обоснованные интерпретации вне автора. В качестве главной причины такой точки зрения автор статьи выделяет ошибочный принцип автономности знака, который лежит в основании структуралистского метода. В случае вербальных данных речь идет об ошибочной автономности слов, предложений, текстов и всей системы вербального языка. Автор статьи последовательно рассматривает главные составляющие позиции Барта (статической языковой модели) и предлагает взамен коммуникативную динамическую модель, которая предполагает признание: 1) неэффективности метафоры «язык», 2) нетождественности используемого в рамках «языка» понятия знака (слов, предложений, текстов), 3) тождества личного коммуникативного действия, которое порождается и интерпретируется как осознанный поступок коммуниканта, а не как структура самозначных слов, 4) комплексного характера любого коммуникативного действия. В предлагаемой динамической (коммуникативной) модели «знак» назначается утилитарно и условно (в языковой модели он констатируется безусловно и определенно), «знак» не существует как определенный объект, или тело (в языковой модели он фактически существует как диада тело знака – значение), «знак» лишь «намекает» и «отсылает» к смыслопорождающему коммуникативному действию, будучи интерпретируемым (в языковой модели он имеет прямое единообразное значение, изучается и описывается). Текст определяется в статье как последовательность самостоятельных вербальных элементов, «намекающих» на соответствующие коммуникативные действия. Коммуникативные действия (искомые при порождении и интерпретации) воспринимаются в тождестве на основе параметров, которые автор действия и затем интерпретатор мыслят за пределами слов и языка. Понимать язык и текст («письмо» Барта и Деррида) оказывается невозможным вне автора, который не «пишет текст», а совершает ряд личных коммуникативных поступков. В статье вводится понятие интерпретационной шкалы и констатируется, что пределом интерпретации является личная деятельность того, кто организовал коммуникативную процедуру. В самом тексте (словах, языках, безличном «письме») источники смыслообразования полностью отсутствуют.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: смерть автора, интерпретация, знак, язык, текст, динамическая модель текста, коммуникация, коммуникативное действие, смыслообразование.

ВДОВИЧЕНКО Андрей Викторович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора теоретической лингвистики Института языкознания РАН, профессор кафедры теории и истории языка ПСТГУ.

---

* Продолжение. Начало см.: [Вдовиченко 2018]. Статья подготовлена при поддержке РНФ, грант № 17-18-01642 «Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях кризиса языковой модели», в Институте языкознания РАН.

©Вдовиченко А.В., 2018 г.

Статья поступила в редакцию 16 ноября 2017 г.

Цитирование: *Вдовиченко А.В.* С возвращением, автор, но где же твой «текст» и «язык»? О вербальных данных в статике и динамике. Часть II // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 57–69.

Текст

Из единообразных знаков языка, по мнению Аристотеля, де Соссюра, Барта, Деррида и других, состоят сами тексты, факты «письма». Чтобы осознать, насколько динамическая модель текста отлична от статической, языковой, приведем аналогию. Представим себе нотную запись фортепианного концерта, которую держит в руках даже не музыкант, а рядовой ценитель прекрасного. Можно ли утверждать, что все, что ему нужно от музыкального произведения, он уже получил, и что данного нотного текста достаточно для участия в некогда осуществленном замысле композитора? Безусловно, нет. Не достает исполнения, самого звучания, слышимого мелодического рисунка, интерпретации, ощущения уподобления человеческому голосу и интонации в музыкальной фразе и пр. — всего того, к чему нотный текст лишь пунктирно готов направить и послужить вспомогательным средством достижения.

Заметим, что и для автора в момент создания сочинения целевой причиной его творческих усилий был не нотный текст, а то, что обычно возникает при его прочтении «на выходе». И слушатель, и автор, пожалуй, с большой вероятностью подтвердят, что их интересует один и тот же комплексный акустическо-эмоционально-интеллектуальный объект, а не вспомогательное средство (без которого можно временами и обойтись).

В свою очередь, графически представленный *вербальный* текст также не тождествен тому, что замыслил автор и что послужило целевой причиной приложения его творческих усилий. Читатель вслед за автором тоже, пожалуй, признает, что простое обладание написанными словами и предложениями не дает чувства достижения искомого, которое приходит только в момент воссоздания некогда помысленной и реализованной автором процедуры.

Поэтому уж если искать «осмысленную взаимосвязанную последовательность знаков» или смылосодержащий текст, то только не в написанном (нотном или буквенном) субстрате, поскольку он выступает всего лишь подсобным инструментом, вторичным посредником в каком-то подлинно важном деле.

В поисках твердой значимой сердцевины и, соответственно, четких контуров динамической модели вербального текста, бесполезно обратить внимание на то, што спосап фиксацыи славесной паследаватильности глубако условен, далико атстаит ат таво, што риальна праизносицца аутэнтичным «насителем йязыка», *kotoryj mozhet pribegnut' k samym raznaabrasnym formam fixatsii verbal'noj materii* (плюс к уже приведенным, например, к аббревиатурам, сокращ., скорописи, специальной фонетической — русской академической и международной — транскрипции и пр.).

Подмечая в этих примерах условность графической фиксации, следует сразу указать *то, что* позволяет «читателю», несмотря на различия способов фиксации, обрести даже в этих шуточных эпизодах твердую почву. Иными словами, задавшись вопросом, почему распознаются столь по-разному представленные вербальные данные (а они распознаются «носителем», что бы кто ни говорил) и где основания самой возможности их распознавать, наблюдатель вынужден признать, что главное и основное, остающееся неизменным и обеспечивающим понимание, — это коммуникативная типология, заранее известная говорящему на «родном языке», вербальные элементы которой воспроизводятся в сознании на основе намеков, сделанных посредством каких-то графических способов фиксации. «Носитель языка», никогда не знающий грамматическую номенклатуру собственного языка и никогда не осознающий собственный «инструмент говорения», на самом деле является знатоком комму-

никативной типологии — доступных ему комплексных ситуаций использования вербальных клише при совершении коммуникативных действий в различных сегментах коммуникации. Именно к ней (вернее, к ее вербальной составляющей) возводит «носителя» любой из только что приведенных способов записи звучащей речи.

Соответственно, задача письменных знаков, так или иначе обращенных к звуковому составу речи и направленных на словообразование, состоит в том, чтобы *произвести намек на* (или *дать возможность вспомнить*) *уже известное интерпретатору вербальное клише* (элемент коммуникативной типологии, которым владеет говорящий). Именно поэтому никакого труда для аутентичного коммуниканта не составит озвучить, скажем, [с.] в надписи [с. Борисово] (или сделать это по-другому в случае с [с. 15]): *написана* всего лишь одна буква с точкой, а *читается* (*озвучивается*) заранее известное целое слово [село] или [страница]; или расшифровать второй элемент словосочетания [Слава КПСС]: написано четыре буквы, а прочитать можно заранее известное развернутое словосочетание [коммунистическая... и пр.]; или произнести правильно любое слово, входящее в коммуникативную компетенцию говорящего: пишется [произнести], а читается заранее известное [праиз'нис'ти], пишется [говорящего], а читается [гаваряшава] и пр.

Опять же по причине того, что устная форма вербальных клише изначально известна аутентичному коммуниканту, русский графический способ фиксации не предполагает использования знаков ударения: несмотря на трудности, испытываемые иностранцами при решении вопроса, какой слог «ударять» при чтении, аутентичный коммуникант знает это вполне определенно из практики владения коммуникативными клише, без труда ставя ударение в словах, не акцентированных на письме.

Оснóвность (поставим для ясности ударение) и первичность клише, хранящихся в памяти участника коммуникативного сообщества, подтверждается и тем, что коммуникант, произнося эти клише в устном общении, никогда не думает о том, как они могут быть записаны. Он пользуется ими независимо от их элементарно-графической формы (которой для него в момент словообразующего говорения не существует).

Наоборот, графически изобразить эти клише составляет для него задачу, разрешимую с некоторым усилием и выполнимую после обучения специальным правилам (в том числе грамматике), которые на худой конец он может даже оставить в стороне и записать клише как угодно, ориентируясь лишь на данного адресата, с его объемом знаний и индивидуальной способностью распознавать «намек».

Во всех этих случаях речь идет о воспроизведении в памяти заранее известных форм устной коммуникативной практики (то есть уже известной вербальной клишированной части коммуникативных синтагм, усваиваемых коммуникантом с детства и затем постепенно пополняемых по мере знакомства с новыми предметными областями и способами коммуникативного действия в них).

Кроме того, в отношении графической формы важно заметить и то, что написанный вербальный текст даже в традиционном своем состоянии всегда изобилует *невербальными знаками*, отсылающими к каким-то смысловым и интонационным чертам говорения, но не к самим фонетическим словам. К таким знакам относятся точки, тире, запятые, кавычки, восклицательные и вопросительные знаки, прописные и строчные буквы, курсив, подчеркивание, абзацы, пробелы, скобки и пр., не говоря уже о специальных и ситуативных знаках — стрелках, равенстве, плюсах, минусах, цифрах, таблицах, схемах, рисунках, пиктограммах и пр. Фактом своего существования они указывают на то, что вербальный текст имеет *комплексный* характер: в нем на самом деле «переплетены» знаковые каналы, присутствуют не только словесные, но и иные знаки («намек»), указывающие за пределы области словесного, выносящие организованную автором процедуру за границу только вербального, отсылающие к несловесным механизмам словообразования. По-видимому, даже при наличии созданной словами последовательности в ней присутствует нечто более сложное, чем работа слов (чем «словесный механизм»; чем «словесная знаковая система»; чем «орнамент, составленный из слов»; чем просто «текст слов»).

Важным обстоятельством, достойным упоминания при построении динамической модели «вербального текста» (уже ставим кавычки, поскольку любой вербальный текст, как выясняется, далеко не только вербальный), пожалуй, является и то, что слова (упомянутые уже как «знаки») не имеют определенных значений (смыслов) и потому не могут быть однозначными слагаемыми общей суммы, которая часто мыслится (в том числе Бартом) как текст. В самом деле, именно такое положение дел следует констатировать в реальной речи (письме): автономные слова («знаки») не обладают мыслимым тождеством и не способны сами иметь конкретный понимаемый смысл (значение).

Так, каждое слово, входящее в состав последнего, только что воспринятого читателем предложения, будет иметь гораздо больше «значений», чем одно определенное, нужное для твердого понимания составленного из них целого: [такой], [положение], [казаться], [констатировать], [дело], [письмо], [именно], [странный], [речь] и пр.

Заметим на всякий случай, что спасительная ссылка на «слово в контексте», которое якобы благодаря контексту приобретает способность восприниматься в тождестве, как раз и свидетельствует о семантической недостаточности автономного слова (главного «знака» Ф. де Соссюра): даже для сторонника языковой систематики ясно, что необходимо нечто постороннее, выходящее за пределы слова, тот самый так называемый контекст, без которого предьявить самостоятельный смысл (значение) слова не представляется возможным.

Более того, даже те вербальные данные, которые организованы в предложения, будут далеко не всегда казаться понятными в их составе, как, например:

[Безусловно, нет. Недостает исполнения].

Поэтому если контекстом для слова считать предложение, то такой «гарант тождества» и сам не может быть признан независимым и смыслообразующим.

Кажется, здесь в теорию «языка» напрашивается как минимум «конситуация», или «коммуникативный (то есть комплексный, не только вербальный) контекст», который выносит причины смыслообразования далеко за пределы словесной последовательности как таковой. Тогда и другие, заведомо бессмысленные в автономной позиции предложения (типа [Нет], [Он совсем не собирается это делать], [Конечно, да]), помещенные в аутентичную конситуацию, обретут искомое тождество, тем самым снова утверждая смысловую несамостоятельность вербальных данных — не только слов, но даже предложений: предложения так же, как и слово, нуждаются во внешнем источнике смыслообразования.

Наконец, последним обстоятельством, которое стоит иметь в виду при оформлении коммуникативной модели текста, можно считать тот неоспоримый факт, что смыслообразующую процедуру зачастую можно реализовать полностью без участия слов. Жесты, остенсивы, выразительные взгляды, вздохи, поступки «напоказ» и пр. и пр. могут иметь ничуть не менее определенное значение, чем слова. Вспомним здесь, что даже написанный вербальный текст уже был замечен в использовании невербальных знаков, указывающих на нечто за пределами вербальных данных.

Таким образом, во всех приведенных эпизодах вербальный письменный текст не подтверждает своей автономной работоспособности в деле смыслообразования: как уже было замечено, 1) в графически зафиксированной форме текст является всего лишь «следом» устной коммуникативной процедуры (семиотического поступка), помысленной и реализованной автором; 2) роль графической формы текста состоит лишь в том, чтобы быть подсобным инструментом, посредником в подлинно важном деле коммуникации; 3) способ фиксации вербальной последовательности глубоко условен, что позволяет рассматривать любой письменный текст всего лишь как «намеки» на иные формы вербальной и невербальной коммуникации, в которых говорящие различают, по крайней мере, не буквенные единицы; 4) главный и основной арсенал аутентичного представителя коммуникативного коллектива составляет знание устных вербальных клише, по отношению к которым любой вербальный текст глубоко вторичен; именно к этому знанию апеллирует автор, используя какой-то графический способ фиксации вербальных данных, 5) вербальный текст имеет ком-

плексный характер, поскольку в нем «переплетены» разноформенные каналы воздействия, б) слова и даже составленные из слов предложения невозможно считать тождественными единицами вербального процесса, поскольку они как минимум не обладают определенным автономным значением и поэтому не могут считаться «знаками», и, наконец, 7) смыслообразующую коммуникативную процедуру можно реализовать не только «словами текста», но и посредством других каналов, в том числе без участия слов.

Такое последовательное ущемление прав текста (считавшихся до поры незыблемыми и возведенными в абсолют признанием ненужности, «смерти», автора) и утрата текстом самостоятельного, почти священного, статуса ведет к переосмыслению модели смыслообразования, реализуемого в тексте, по крайней мере, той модели, которая выстроена на признании за текстом способности быть «...сообщением, существующим в виде такой последовательности знаков, которая обладает формальной связностью, содержательной цельностью и возникающей на основе их взаимодействия формально-семантической структурой» [Лукин 1999, 5], а также рассматривающей его как «сложный знак и целостную единицу общения» [Дридзе 1984, 71], или как «...связь по меньшей мере двух высказываний, в которых может совершаться минимальный акт общения — передача информации или обмен мыслями между партнерами» [Колшанский 1980, 10], или как «некое знаковое поле, не имеющее исходной точки», которое «исходит только из языка как такового», как это делает Р. Барт [Барт 1994].

Все высказанные сомнения и приведенные наблюдения над тем, насколько несамостоятелен и вторичен в своей смыслообразующей работе словесный «текст», ведут в уже указанную единую метрополию: *производятся и понимаются* не словесные формы (в том числе «тексты» и их предметно представленные «знаки» — морфемы, слова, предложения и пр.), а *коммуникативные действия* (семиотические поступки), совершаемые коммуникантом с привлечением (или без привлечения) вербальных клише.

Такая позиция резонно предполагает, что вербальный процесс должен быть рассмотрен в контексте коммуникативного смыслообразования как частный случай коммуникативного процесса с соответствующими последствиями для понятия «текста». Среди этих последствий несколько представляются, с моей точки зрения, наиболее важными для критики смерти автора, декларированной Бартом и соратниками.

Прежде всего, написанный текст является отражением последовательности коммуникативных действий, задуманных автором и представленных адресату в таком порядке. Если точнее, текст представляет собой *последовательность несамостоятельных вербальных элементов* соответствующих коммуникативных действий (см. выше сказанное о «знаке»). Графическая фиксация не репрезентирует в полноте сами коммуникативные действия.

Между словесным отрезком, который простирается от точки до точки («предложением»), и целостным коммуникативным действием, в состав которого входят данные словесные элементы (если условно считать предложение соответствующим действием), следует констатировать *кардинальное отличие*. Вербальный остов, восстанавливаемый по графемам в виде звучащих коммуникативных клише, является лишь внешним неточным пунктирным «следом», по которому можно продвигнуться к воссозданию целостного семиотического поступка.

Так, автор коммуникативного действия в не опосредованной письменным текстом ситуации определяется самим непосредственно наблюдаемым фактом говорения от первого лица («видно, кто говорит») и потому по умолчанию попадает в список значимых параметров, необходимых для интерпретации действия. Напротив, в ситуации письменного текста источник коммуникативного действия (а значит, и выделенных объектов, связей, причинности, оценок, эмоций и пр.) должен быть назван особо, поскольку процесс написания (псевдоговорения) и озвучения принципиально разделены («непонятно, кто говорит»). Вследствие этого в статье или повести указывается

автор, а в художественном нарративе речь персонажей сопровождается указанием на источник, типа «сказал такой-то» после «прямой речи».

В том же смысле интерпретировать слово [да] (как, впрочем, и любые слова) можно только при условии, что в этот момент воссоздается индивидуально мыслимый, зачастую очень сложный и нюансированный, контент сознания говорящего. Этот контент входит в состав актуального коммуникативного действия, но не может быть проявлен в самом слове [да], произносимом или изображаемом на письме в момент коммуникативного действия.

Как правило, автор, использующий письменный канал в своем коммуникативном действии, осознает несовершенства графического посредника и прилагает дополнительные усилия для достижения мыслимого тождества. Так, для уточнения модуса говорения в письменный текст вводятся указания на выражение лица говорящего при произнесении «прямой речи» или подробности социального или профессионального статуса автора статьи или романа, притом, что все это вне графического средства также может присутствовать в ситуации коммуникации по умолчанию и играть свою роль.

Помещая семиотическое действие в основание лингвистического факта, следует недвусмысленно признавать, что оно *не существует вне деятеля*, который оказывается единственным бесспорным источником порождения смысла в вербальных данных. Фактом своего существования он ставит точку в рассуждениях о смысле сказанного, обозначая собой *предел смыслообразования*. Интерпретация естественного вербального материала – в своей первозаданной сути – представляет собой *восхождение к когнитивному состоянию автора действия*. В этом смысле становится очевидной бессмысленность и пустота какого-либо «языка», который принципиально элиминирует личность и конкретный когнитивный процесс, избавляясь, таким образом, от единственного источника смыслообразования в семиотическом поступке. Ввиду этого, как уже было отмечено, метафору «язык» для построения модели естественного вербального факта следует признать неэффективной.

При этом мысль и действие (в том числе вербальное) естественным образом не совпадают, как процесс открывания двери ключом (действие) и внутреннее рассуждение о необходимости открыть дверь ключом (мысль) не одно и то же. Смысл сказанного не имеет прямой («прямоточной») связи с мыслью – гораздо более объемным и комплексным процессом, чем следующий за ним семиотический поступок, нацеленный на изменение когнитивного состояния адресата (для этого достаточно представить случай лжи, где воздействие и мысль особенно рельефно не совпадают).

Смыслообразование в любой момент текста имеет коммуникативную природу. Пользуясь уже упомянутым феноменом лжи, можно «схватить» значимые черты коммуникативного (а не языкового) смыслообразования: автор добивается не представления реальности, а эффекта коммуникативного события (не обязательно путем «пересказывания» реальности) и в этом видит смысл совершаемой коммуникативной процедуры. Он занят не нарративом реальности, а гораздо более очевидной и непосредственной реальностью своего воздействия на адресата, будь то производимый им нарратив, вопрос, жалоба, просьба, восклицание, невербальный жест угрозы, задумчивая интонация и пр. (вспомним Барта, который отказывается видеть в нарративе автора).

Наконец, следует отметить, что при порождении или восприятии текста *сознание* как автора, так и адресата *«работает» только с одним конкретным коммуникативным действием* – производит его или интерпретирует. Фокус внимания автора или читателя, занятого данным семиотическим поступком, не может быть множественным вследствие пространственно-временной и психофизической обусловленности акта коммуникации. Интеракция между автором и адресатом постоянно совершается в одной точке, на которой фокусирует свое внимание автор при создании последовательности коммуникативных действий и в которой затем постоянно пребывает сознание адресата, продвигающегося вслед за автором от действия к действию.

Из этого следует, что индивидуальное сознание никогда не воспринимает текст в том виде, в каком это предполагают расхожие (используемые в том числе Бартом и сторонниками) формулы типа «текст книги», «текст статьи», «текст стихотворения» и пр. (ср. нотный текст, или ноты). Оно не может вместить и понять текст «Евгения Онегина» и даже текст его первой главы, поскольку там содержится множество семиотических поступков. Зато сознание без труда (правда, с различной эффективностью) справляется с очередным единичным поступком автора, который некогда предполагал именно такую процедуру общения с читателем: последовательно перемещать фокус внимания адресата от действия к действию в расчете на то, что каждое последующее будет эффективным при условии читательского участия в предыдущих. ([Его пример другим наука], скажем, невозможно понять без знания только что прочитанного, не говоря о более сложных когнитивных связях, и пр.)

Пройдя по цепочке семиотических актов, в которые автор вовлекал читателя, последний может попытаться обобщить данный опыт приятного общения с автором в одном коммуникативном поступке и сказать, например, что «в романе “Евгений Онегин” повествуется о молодом человеке» и пр. Однако такое понимание текста, редуцирующее множество самоценных коммуникативных взаимодействий автора с читателем до пересказа фабулы, вряд ли кого-либо удовлетворит.

Иными словами, процесс коммуникации, оставляющий свой след в виде написанного текста и воссоздаваемый затем по этому следу, не может терять свою процессуальность, превращаясь в статичный объект. Поэтому для динамической концепции словесный графический текст (текст книги, текст повести и пр.) — это, скорее, псевдоединство, псевдообъект, неэффективная дефиниция, созданная на основании «телесного» (предметного, обесмысленного, статического) восприятия вербальных данных. Так, «текст поэмы» может лежать в портфеле, иметь определенный вес, количество страниц, глав, предложений, слов, букв и пр., но он не может в таких условиях производить смыслообразование, к которому был некогда призван автором в каждом из своих моментов как несамостоятельный посредник.

Заметим здесь, что если в каждом конкретном смыслообразующем случае (вспомним о коммуникативном смыслообразовании) речь идет об интерпретации одного семиотического действия, то вопрос об окружении данного действия другими действиями теряет актуальность и остроту (так, при некомуникативном понимании текста часто указывается на множество взаимосвязанных предложений).

Статический текст, представленный в виде конгломерата вербальных данных, как бы исчезает, обнаруживая невозможность производить смыслообразование. Независимо от позиции среди других семиотических поступков, автора и адресата всегда интересует один, данный, актуальный поступок (и его след) здесь и сейчас. Сознание застает его как в цепи иных действий, так и вне какой-либо последовательности вербальных или невербальных действий, но всегда формирует множество параметров, значимых для порождения и интерпретации данного действия, черпая перечень этих параметров из разноформенного коммуникативного контекста (предыдущих поступков, общих фреймов, ситуативных данных, сведений об адресате или авторе и пр.).

(Отметим попутно, что в такой теоретической диспозиции совершенно оправданным становится понимание *дискурса как осознанной ситуации данного коммуникативного действия*, в отличие от попыток представить его глобальной статической областью знания, или статическим коррелятом языка («живая речь», «тип высказывания» [Степанов 1995, 38], «связный текст», «язык в языке» [Николаева 1978, 467], «речь, погруженная в жизнь» [Серио 1999, 28–29]). Динамическое понимание дискурса, вытекающее из акциональности вербального факта, указывает на мыслимые условия совершения отдельно взятого коммуникативного действия. Ввиду постоянно меняющихся условий совершения семиотических поступков (в том числе вследствие уже совершенных в последовательности действий, вовлечения новых, известных автору, фреймов, исключения потенциально релевантных фреймов, вовлечения новых мыслимых объектов и обстоятельств и пр., и пр.) дискурс представляет собой подвижную систему координат, в которой всякий раз заново интерпретируется новое действие (в

том числе произведенное с участием вербального канала). С этой точки зрения у каждого нового семиотического поступка есть свой неповторимый дискурс, необходимый для его интерпретации, который, соответственно, не может быть единым для всей области философии, или литературы, или поэзии, или политики и пр.)

Автор и интерпретатор

На фоне сказанного о динамическом понимании «текста» (который представляет «последовательностью намеков на коммуникативные действия» и в свете коммуникативного смыслообразования несколько меркнет как целостный объект) вернемся на условные похороны автора и понаблюдаем, оценивая происходящее в динамической, а не языковой перспективе.

Нужно признать, что любой текст, воспринимаемый как «склад языковых словосмыслов» (Барт и компания), может ввести наблюдателя, созерцающего эту мнимую пещеру сокровищ, в соблазнительное состояние *интерпретационной экзальтации*: наблюдатель осознает и даже будет в этом прав, что процессы понимания (смыслообразования) происходят именно в нем и нигде более совершаться лично для него не могут. Здесь-то, в силу своей обособленности от автора, породившего «текст» (собрывшего эти богатства), и одновременно в силу очевидной невозможности превратиться в него, наблюдатель констатирует для себя факт смерти автора, оставаясь с единственным несомненно не умершим и доступным — с собой и сокровищами. В такой диспозиции «текст» как бы в порядке вещей становится добычей любого одиночки, попавшего в отдельно взятое хранилище драгоценных «слов языка». Потеря ориентиров, вложенных некогда в текст в момент создания, как бы оправдывается естественностью и очевидностью происходящего — одинокого созерцания сокровищ. Что же до автора, то он оказывается всего лишь одним из прочих интерпретаторов данного текста, но, увы, наедине с драгоценностями в настоящий момент оказался не он.

Противостоять экспансии этой волшебной сказки (имеющей, впрочем, многочисленные реальные воплощения) можно только при условии признания коммуникативной (динамической) модели текста — ключевой (для смыслопорождения) роли личного когнитивного состояния автора и невозможности «знаков» действовать автономно за пределами личного коммуникативного поступка (действия).

Чтобы избавиться от экзальтации и не узурпировать больше свободы, чем это дозволительно в отношении другой личности, нужно заметить, что 1) интерпретатор — вольно или невольно, в большей или меньшей степени — все же имеет в виду автора как источник коммуникативного действия, который знаменует собой предел смыслообразования; в этом вольно-невольном положении интерпретатор 2) неизбежно демонстрирует различную меру приближения к когнитивному состоянию автора, что само по себе устанавливает своего рода *шкалу интерпретационной (де)экзальтации*.

С одной стороны, *полное знание* авторской интенции и мысли, очевидно, недоступно никому иному, кроме самого автора. Можно считать авторскую коммуникативную интенцию желательным, хотя и недостижимым *пределом* усилий интерпретатора и одновременно *одним из двух крайних значений* на данной шкале.

С другой стороны, *полное игнорирование* автора оказывается столь же невозможным (см. пример ниже), поэтому можно, в свою очередь, считать полное игнорирование недостижимым *пределом* усилий тех, кто настаивает на смерти автора, и *противоположным крайним значением* на шкале.

Интерпретатор, находясь в своем «возможном мире», может устремляться по этой шкале в различных направлениях, тем самым свидетельствуя о собственных приоритетах смыслообразования и способов его обнаружения. При этом само *наличие шкалы и возможность выбора направления движения по ней принципиально оставляют настоящее автора в игре на поле смысла, как одно из предельных значений*.

Иными словами, поиск источников смыслообразования, скажем, в «тексте» [октябрь уж наступил] начинается с ответа на прямой вопрос: он был написан кем-то или не написан никем?

Ответ, так или иначе брезжащий в рамках языковой (*аристотелевской, сосюровской, бартовской*) интерпретации, а именно, что «текст существует написанным на языке, значит, в нем присутствуют значения и смыслы независимо от автора», не может быть принят, поскольку в таком случае «язык» заранее вобрал в себя все возможные тексты, подобные этому, и тогда ни писать, ни говорить на «языке» не имеет никакого резона. Но автор, несмотря на «всеохватность» языка, зачем-то произвел данный «текст» (в составе соответствующего коммуникативного действия), и значит, именно он видел в этом какую-то предикативность. Такую актуализацию вербальных данных, как и любого иного компонента коммуникативного действия, можно объяснить *только интересами данного субъекта, его стремлением* осуществить целенаправленное коммуникативное влияние, а не желанием породить стандартную, существующую по законам «языка», словесную структуру (заметим, что любой «язык» потому и является *пустым и бессмысленным*, что в нем элиминируется личность — подлинный источник любого смыслообразования).

Таким образом, на заданный вопрос стоит все же ответить утвердительно: данный текст явился в результате личной, кем-то организованной коммуникативной процедуры, следом которой стала данная вербальная последовательность.

Заметим, что сам «язык» не может ответить на вопрос, наступил ли уже октябрь или еще нет и зачем нужно вообще об этом говорить. Прояснить, наступил ли октябрь и зачем об этом сказано, может только автор того действия, в состав которого входит это высказывание.

Иными словами, *кто-то* должен маркировать собой *опорную точку* для данной «констатации» (зафиксировать систему семиотических координат) и дать шанс для дальнейшего многофакторного оценивания соответствующего коммуникативного поступка. В этом и состоит 1) неизбежность какого-то отношения интерпретации к когнитивному состоянию того, кто производит (произвел) данное коммуникативное действие: семиотический поступок (с вербальным компонентом) кто-то все-таки совершил, и это не просто факт «языка», поскольку очевидно, что язык не может создавать тексты, и тексты сами себя тоже не пишут.

Несмотря на очевидный субъектный антураж происходящего, для условного сторонника позиции Барта — если он настаивает на полной самозначности «языка» — по-прежнему остается возможным 2) продвижение по шкале интерпретационной экзальтации в сторону исчезновения автора, что позволяет интерпретатору почувствовать себя креативно, скажем, признать, что эта строка говорит (то есть «никем не сказана») о революции 1917 г.: «Великий Октябрь уж наступил». На нашей условной шкале это соответствует положению *максимальной интерпретационной экзальтации*, при достижении которого настоящий автор полностью отсутствует, «мертв» для интерпретатора.

Живой интерпретатор, предложив свой «креатив», с готовностью занял авторское место, рассматривая «ничьи сокровища», но, кажется, оказался в довольно глупом положении. С одной стороны, ему все равно не удастся убедить аудиторию, — если она составлена из *homines* хотя бы отчасти *sapientes*, — что в данном тексте просматривается «революция», заложенная в него — среди всего прочего — «от природы» или «из соглашения говорящих» (откуда якобы берутся все «значения слов в языке»).

С другой стороны, если интерпретатор пойдет иным путем — запросто припишет этот «текст» себе, будет продвигать его «революционное» содержание, вложенное в эти слова уже лично им, и настаивать на своем праве так поступить, то тотчас превратится в банального плагиатора — ведь именно этот «текст слов» уже был однажды создан и интегрирован в чужое коммуникативное действие. Подобным образом в случае с «ничейным» текстом [Я памятник себе воздвиг нерукотворный] новому «полноправному собственнику» этого текста придется занять место [я] и в этом странном положении подвергнуться заслуженным упрекам.

В этой ситуации поклоннику самозначного «письма» (члену похоронной команды им. Р. Барта) остается, по-видимому, сделать вид, что он просто пошутил про революцию, вовлекая «для красоты и изящества шутки» строчку из Пушкина. Шутка и в

самом деле будет принадлежать автору нового коммуникативного действия, за которое он, признаваясь в шуточности, берет ответственность на себя. При этом запланированные ранее похороны автора все же придется признать не состоявшимися.

Наоборот, продвижение по шкале в сторону выявления автора сразу обещает избавление от подобных коллизий и возникающего когнитивного тупика (на нашей шкале это приближает максимально возможную деэжальтацию): вполне определенный автор (А.С. Пушкин) совершил коммуникативный поступок в некогда мыслимых условиях — и далее по закону жанра следует череда культурно-историко-психологических и прочих наблюдений, задача которых состоит в экспликации личного когнитивного состояния автора данного действия, что само по себе может быть типологичным, понятным и интересным для *homo sapiens cultus*.

Таким образом, поэт, побывав в плену у интерпретатора, несмотря на вольно-невольную экзальтированность последнего, *должен* выжить ради «всего святого» — смыслообразования. Так, в нашем случае только спасшийся автор в состоянии хотя бы отчасти конкретизировать смысловое (в том числе эмоциональное) поле упомянутого «текста»: семиотическое действие, в составе которого А.С. Пушкин некогда произнес [октябрь уж наступил], нельзя мыслить соотношенным с большевистским переворотом 1917 г. ввиду очевидных, укорененных в его авторском, когнитивном состоянии, причин. Возможно, кто-то иной, знающий об авторской когниции в момент данного действия больше, может дополнить и нарастить объем акционального смысла, явленного в данном высказывании, и еще дальше продвинуться по шкале в сторону предела понимания — авторской коммуникативной интенции и когнитивного состояния. Однако в любом случае ясно, что содержанием своего сознания и своим поступком автор ввел возможное смыслопорождение в достаточно тесные рамки: *текст* (ряд «следов» коммуникативных поступков) *не может содержать больше смыслов, чем сам авторский замысел* данного поступка.

Иными словами, понимать автономный «текст» (написанный на «языке») в принципе невозможно, поскольку пониманию подлежит только личная деятельность того, кто организовал коммуникативную процедуру; в самом же тексте (словах, языках, безличном письме) источники смыслообразования полностью отсутствуют. Текст представляет собой лишь намек на личный семиотический поступок (вернее, последовательные намеки на ряд коммуникативных действий). Без возведения намека к объекту намека (или без воссоздания по следу того, что оставило данный след) смысл не может осознаваться в тождестве. Зато коммуникативный поступок (личное авторское действие), в отличие от ничейного текста, уже можно понимать.

Так, представим себе, что искомым средством самоидентификации для Ж. Деррида было бы не то, что он создал, вернее, не те семиотические поступки, которые он совершил и отразил в виде графического вербального «следа» (все те новые и прежние объекты, на которые он обратил внимание адресата, связи, которые он сформировал, переосмыслил и представил актуальными, расставленные им эмоциональные акценты, сформулированные, разрешенные и неразрешенные, вопросы, организованные интеллектуальные провокации и апории, и пр.), а взамен всего этого средством его самоидентификации служил бы бессмысленный в себе («ничей», внешний для него) французский язык, на котором философ якобы говорит как на «не принадлежащем ему» (который, заметим, по причине безличности, не может содержать в себе ничего из того, что на самом деле сделано Деррида). Либо философ ничем не отличился от любого из французов, якобы говорящих и мыслящих одинаково по-французски, запросто превращенных «языком» в гомогенную массу (и тогда автора Деррида нет), либо он сделал что-то иное, и это иное — не говорение на «языке», а личные идентифицирующие его поступки, которые, кроме него, больше никто не совершал (и тогда автор уцелел).

Как видно, «язык» («письмо») и «текст», состоящий из «самоорганизующихся» звуков, фонем, морфем, слов и предложений, невозможно заставить производить смыслы. Там, где они все же гадательно просматриваются сквозь мутное стекло мнимого самозначных «знаков языка» (на что рассчитывает Барт и многочисленная компа-

ния), на самом деле «работает» *авторское коммуникативное действие*, локализованное в сознание *личности* с ее мотивациями, мыслимыми объектами, установленными связями, констатированными адресатами, индивидуальными фреймами и фонами и пр. Если в «ничейных» словах и языках нет и не может быть никакого тождественного содержания, то авторские тексты, наоборот, берут на себя всю полноту ответственности за смыслообразовательный контент, поскольку являются «следами» личных коммуникативных процедур, или свободных коммуникативных поступков (действий), которые можно понимать, интерпретировать, оценивать, судить, верифицировать в системе конкретно мыслимых, заданных автором, координат.

Если абстрактный говорящий в логико-грамматическом (языковом) мире «говорит словами», то естественный коммуникант «говорит коммуникативными синтагмами», в которые слова входят как подчиненные интегрируемые элементы [Вдовиченко 2018]. Поскольку в логико-грамматическом пространстве смыслообразование определяется как функция самих вербальных форм, к мнимо самозначным и автономным словам, составленным из них высказываниям, текстам и вообще языку предъявляется требование быть автореферентными и по мере того смыслообразующими. Так поступает Барт, который находит язык («письмо») достаточным основанием для читательской интерпретации. Так же поступает Деррида, говоря о языке, собственником которого он не является и который якобы определяет его идентичность.

Однако никакое тождественное смыслообразование не может быть достигнуто и объяснено возведением к бессмысленному. Так, понять, оценить и верифицировать простейшие высказывания («Сейчас уже ночь», «Октябрь уж наступил» или «У меня есть язык, но он не является моим») невозможно в логико-грамматическом измерении, то есть вне конкретных условий совершения *личного коммуникативного действия* с участием данных слов.

В естественной коммуникативной реальности интерпретируются не слова, а действия говорящего (пишущего), преследующего определенные тождественные цели. Процедура интерпретации «текста», сосредоточенная на словах и языках, неизбежно сталкивается с проблемой нетождественной референции в отдельно взятых знаках (вспомним теорему Патнэма) [Putnam 1981; Лакофф 2004, 330], в то время как естественная (коммуникативная) интерпретация естественного говорения (письма) охватывает гораздо более обширные и одновременно точные комплексы данных, значимых для обретения смысла в конкретном семиотическом поступке.

Избавление от «языка», который предстает совсем не безобидным в гуманитарном теоретическом поле (что доказывает, среди прочего, языковая авторо-похоронная концепция Барта или де-факто почитаемый принцип Хайдеггера «Язык есть дом (тюрьма? – А.В.) бытия»), оборачивается обретением большей определенности в такой зыбкой области, как смыслопорождение. Личный когнитивный статус автора фиксирует собой смысловой предел сказанного/написанного, срезая все напластования возможностей, возникающих вне данного статуса. Коммуникативная модель, скрыто и открыто отрицающая «язык», поглощает языковую модель в рамках более глобального процесса поглощения «языка» коммуникацией, тем самым открывая возможность комплексному акциональному смыслообразованию, избавленному, наконец, от вербальной тирании нетождественности. Здесь словоориентированные ценности Барта и компании – *язык («письмо»), знак, текст* – оказываются скомпрометированными и даже дезавуированными. Взамен наблюдатель получает точный адрес несомненного источника смыслообразования – индивидуальное сознание автора, не скованное смертью в безличном «ничейном» слове.

Ссылки – References in Russian

- Барт 1994 – *Барт Р.* Смерть автора. Перевод С.Н. Зенкина // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 384–391.
- Вдовиченко 2018 – *Вдовиченко А.В.* С возвращением, автор, но где же твой «текст» и «язык»? О вербальных данных в статике и динамике. Часть I // Вопросы философии. 2018. № 5. С. ?–?

- Дридзе 1984 – *Дридзе Т.М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семиосоциопсихологии. М.: Наука, 1984.
- Колшанский 1980 – *Колшанский Г.В.* Контекстная семантика. М.: Наука, 1980.
- Лакофф 2004 – *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. Пер. И.Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Лукин 1999 – *Лукин В.А.* Художественный текст: основы лингвистической теории и элементы анализа. М.: Ось, 1999.
- Николаева 1978 – *Николаева Т.М.* Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978.
- Серио 1999 – *Серио П.* Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. Переводы с французского и португальского. М.: Прогресс, 1999.
- Степанов 1995 – *Степанов Ю.С.* Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. Сборник статей. М.: РГГУ, 1995. С. 35–73.

Voprosy Filosofii. 2018. Vol. 7. P. 57–69

Nice to See You Again, Author, but Where Is Your “Text” and “Language”? To Verbal Data in Statics and Dynamics Part II

Andrey V. Vdovichenko

The article contains some aspects of criticism of Roland Barthes’ (and his adherents’) position claiming that the text can be understood and interpreted without the author. As the main reason of Barthes’ point of view, the author of the article marks out the erroneous principle of sign autonomy which lies in the basis of the structural method. In the particular case of verbal data that means the erroneous autonomy of words, phrases, texts and the whole system of verbal language. The author considers consistently the main components of Barthes’ position (that is, the static language model) and offers in exchange the communicative dynamic model which includes that: 1) the “language” as a metaphor is ineffective in describing the real verbal process, 2) the concept of signs (words, phrases, texts) used within “language” is built on the insufficient basis, 3) the self-identity can be ascribed just to personal communicative action which is generated and interpreted as a conscious act of a communicant, but not as a structure of auto-signifying words, 4) any communicative action has a complex (multi-channeled) character. In the dynamic (communicative) model, sign is appointed practically and conditionally (in the language model the sign is stated certainly and definitely), sign doesn’t exist as a certain object, or a body (in the language model – it actually exists as a dyad “sign body–value”), sign only “hints” and “sends” to sense-producing communicative action, being interpreted (in the language model – it has a direct sense, it is studied and described). The text represents the sequence of dependent verbal elements “hinting” at the corresponding communicative actions. Communicative action (which is required by the author and the addressee in the processes of production and interpretation) are perceived in identity on the basis of parameters which thought by the author of action outside words and languages. To understand a language and a text (incl. R. Barthes’ and J. Derrida’s “scripture”) it is impossible without the author who does not “writes the text”, but makes personal communicative acts. In the article the concept of interpretative scale is introduced, and it is noted that the limit of interpretation is defined by the personal activity of the one who has organized the communicative procedure. In the autonomic texts (as well as in words, languages, impersonal “scripture” themselves) the sense-producing sources are completely absent.

KEY WORDS: author’s death, interpretation, sign, language, text, static and dynamic model of text, communication, communicative action, sense-production, identity of a personal semiotic act.

VDOVICHENKO Andrey V. – DSc in Philology, lead researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Science; professor, the department of theory and history of language, Orthodox St. Tikhon University for Humanities.

Received on November 16, 2017.

Citation: Vdovichenko, Andrey V. (2018) ‘Nice to See You Again, Author, but Where Is Your “Text” and “Language”? To Verbal Data in Statics and Dynamics. Part II’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2018), pp. 57-69.

DOI: 10.31857/S004287440000226-3

References

Barthes, Roland (1984) “La mort de l’Auteur”, *Le bruissement de la langue*, Seuil, Paris, pp. 61–67 (Russian Translation 1994).

Derrida, Jacques (1979) *L’Écriture et la différence*, Seuil, Paris (Russian Translation 2000).

Dridze, Tamara M. (1984) *Text Activity in the Structure of Social Communication: Issues of Semio-Socio-Psychology*, Nauka, Moscow (in Russian).

Kolshansky, Gennady V. (1980) *Context Semantics*, Nauka, Moscow (in Russian).

Lakoff, George (1987) *Women, Fire and Dangerous Things. What the Categories Reveal About Mind*, University of Chicago, Chicago (Russian Translation 2004).

Lukin, Vladimir A. (1999) *Belles-lettres Text: Essential of Linguistic Theory and Elements of Analysis*, Os’, Moscow (in Russian).

Nikolaeva, Tatiana M. (1978) “Short Dictionary of Text Linguistics Terms”, *New in Foreign Linguistics VIII, Text Linguistics*, Progress, Moscow (in Russian).

Putnam, Hilary (1981) *Reason, Truth and History*, Academ, Cambridge.

Sjriot, Patrick (1999) “How to read texts in France. Editor’s Introduction”, *Quadrature of Sense. French School of Discourse Analysis*, Progress, Moscow, pp. 12–25 (in Russian).

Stepanov, Yuri S. (1995) “Alternative World, Discourse, Fact, and Causality Principle”, *Language and Science in Late 20th Century*, RSUH, Moscow, pp. 35–73 (in Russian).

Vdovichenko, Andrey V. (2018) ‘Nice to See You Again, Author, but Where Is Your “Text” and “Language”? To Verbal Data in Statics and Dynamics. Part I’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 5 (2018), pp. ?–? (in Russian).